

А. А. ТИХОНОВ

Старость и смерть Боккаччо

Хотя в то время, когда Чиани явился со своей проповедью покаяния, Боккаччо было только 48 лет, но он уже начинал стареть более, чем это обыкновенно бывает с людьми его возраста; причиной этому была, конечно, его довольно бурно проведенная молодость в связи с напряженными занятиями литературой. Теперь же, после своего «обращения», он окончательно потерял охоту к прежним развлечениям и к поэзии и, занимаясь серьезными и религиозными предметами, думал о спасении души.

По-видимому, вскоре после посещения Чиани, а может быть, именно вследствие оказанного этим посещением влияния на настроение духа Боккаччо, Никколо Аччайуоли, вероятно, желая предоставить Боккаччо возможность развлечься переменой места, пригласил его к себе в Неаполь. Боккаччо охотно принял это приглашение и в ноябре месяце отправился туда в сопровождении брата своего Якопо. Он, конечно, ожидал встретить у могущественного, богатого, щедрого, дружески к нему расположенного великого сенешаля почетный прием и надеялся провести у него приятно время, вспоминая прожитые в Неаполе дни молодости. Но вышло иначе. Аччайуоли был очень недоволен Боккаччо за то, что тот отказался от сделанного ему вместе с приглашением приехать предложения написать хвалебную биографию Аччайуоли, а все-таки приехал» Боккаччо был принят не только весьма холодно, но оказанное ему невнимание граничило с полным пренебрежением; по крайней мере таким описывает его сам Боккаччо в письме к своему другу Франческо Нелли, бывшему у Аччайуоли чем-то вроде гофмейстера. Если верить всему, что пишет Боккаччо к Нелли тотчас по отъезде из Неаполя, то его поместили в грязном, холодном чулане, который

он, по размерам и грязи, сравнивает с отхожим местом на корабле; кормили его обедками за одним столом с оборванными, грязными, голодными и больными конюхами, поварами, мальчишками и другой челядью; не дали ему даже подушки на грязную вонючую постель. Его брат Якопо удалился в гостиницу, не желая оставаться в отведенном им помещении. Через несколько времени Боккаччо перевели на дачу, но и там его помещение и условия существования были несколько не лучше. Он не решался возобновить прежние знакомства, не имея возможности принимать в конуре своих знакомых. Только участие его друга Кавальканти и еще какого-то купца, которого Боккаччо не называет, спасли его от того, что он не заболел и не умер. Он не захотел оставаться долее в таком странном положении и, переехав к купцу, прожил у него пятьдесят дней до самого своего отъезда из Неаполя, а его меценат Аччайуоли даже не вспомнил о нем за все это время. И Аччайуоли и Франческо Нелли видели и знали все это, но не обращали никакого внимания.

Очевидно, здесь Аччайуоли выказал мелочную мстительность за отказ Боккаччо быть его панегиристом и предоставил поэта на произвол своей прислуги. Но еще непростительнее отношение к Боккаччо его будто бы даже друга, Франческо Нелли, от которого зависело дать Боккаччо такое помещение, чтобы он не имел повода высказывать столь резких, хотя, быть может, и несколько преувеличенных жалоб.

Но едва рассерженный Боккаччо покинул Неаполь, как Аччайуоли почувствовал раскаяние и стыд за свое поведение в отношении поэта, а может быть, и боязнь, что слух об этом обстоятельстве подорвет его репутацию мецената, в особенности если Боккаччо вздумает написать на него сатиру вроде «*Corbaccio*». Эта боязнь заставила его тотчас же подумать о том, как бы загладить неприятную историю, и он поручил Нелли написать Боккаччо письмо в примирительном духе, приглашая его снова приехать в Неаполь. Но Нелли исполнил это поручение весьма неудачно. Он сделал вид, как будто ничего не знал, что Боккаччо не пользовался никакими удобствами во время своего пребывания в Неаполе, и упрекал его же за то, что он так внезапно уехал, называя поэта непостоянным, неуживчивым и капризным. Боккаччо, чувствовавший себя вполне правым, был еще более раздражен этим письмом, и если в первом он еще несколько сдерживался вследствие свойственного ему такта и мягкости характера, то теперь ответил еще резче, предназначая свой ответ, конечно, не одному только Нелли, а и его патрону. Прежде всего, он оправдывается в сделанном ему упреке относительно его неуживчивости и внезапности его отъезда.

Он доказывает, что никто бы не прожил и дня в том положении, в какое его поставили, а он прожил два месяца; уехал же, простившись и с Аччайуоли и с Нелли за два дня до отъезда; странно уверять его, что отъезду не верили, когда никто не думал его удерживать. Затем он с ничем не удержимой беспощадностью и резкостью развенчивает все прославленные качества Аччайуоли: его щедрость, его таланты, ум, знания, великодушие, стойкость в несчастьи, способности полководца и администратора, роскошь его жизни — ничто не позабыто и все, более или менее доказательно, хотя и преувеличенно, осмеяно и низведено до степени ничтожества. Он насмехается над желанием Аччайуоли найти возможность производить свой род от фригийских богов, как будто это может иметь какое-нибудь значение и как будто не все люди равны при рождении, отличаясь впоследствии только своим духовным и телесным развитием. Он смеется над недоступностью Аччайуоли: легче добраться до короля, чем до этого мецената, который, делая вид, что очень занят, в сущности ловит в это время мух. Боккаччо называет его не другом, а врагом муз и объясняет причину, почему с ним обошлись так унижительно: его хотели заставить выдавать сказки за историю и писать похвалы тому, что заслуживает порицания; но он никогда не способен унизиться до этого, и Нелли сам, как литератор, не должен удивляться, что он, Боккаччо, отказывается от такой сомнительной чести. От вторичной поездки в Неаполь Боккаччо наотрез отказался, говоря, что он скорее пойдет просить милостыню от дома к дому, чем обратится к такому покровителю даже в самой крайней нужде. В заключение Боккаччо просит не обращаться к нему с упреками, потому что, он сумеет ответить на них лучше, чем они.

Замечательно, что насколько Боккаччо прежде преклонялся перед Аччайуоли и удивлялся его талантам, настолько же он теперь унижал его. Истина в отношении Аччайуоли находится, вероятно, в середине. Но от чего зависела такая перемена взглядов? Трудно допустить, чтоб одно только невнимание, которое Боккаччо испытал как гость у Аччайуоли, могло побудить к таким беспощадным и бесцеремонным нападкам на знаменитого сенешаля, с какими мы встречаемся в этом письме-сатире. Трудно также допустить, чтоб характер Боккаччо настолько изменился, что то, что когда-то служило для него предметом поклонения, стало теперь предметом отвращения; сохранились же отношения Боккаччо к Петрарке неизменными до конца жизни. Но, вероятно к этим двум причинам примешивалось еще и общее предубеждение, которое Боккаччо должен был питать к Аччайуоли, как республиканец к придвор-

ному выскочке. В это время отношение всех вообще флорентийцев к своему достигшему могущества согражданину изменилось: во Флоренции стали относиться с недоверием к Аччайуоли, стали подозревать его в стремлении к тирании, и был даже издан особый, специально направленный против него закон, по которому он навсегда лишался возможности сделаться гофалоньером или приором Флорентийской республики. Это, конечно, не могло оставаться без влияния и на Боккаччо, который теперь смотрел уже на все трезвыми глазами зрелого мужа, а не легкомысленного, увлекающегося и поэтически настроенного юноши, каким он был в первый свой приезд в Неаполь.

Да изменился, конечно, в это время и сам Аччайуоли, тогда бывший лишь простым купцом, а теперь могущественным придворным и фактическим правителем Неаполя.

Таким образом, пробыв несколько месяцев в некогда столь дорогом ему Неаполе, Боккаччо покинул его, огорченный и настроенный еще хуже, чем он поехал туда из Флоренции. Но он не вернулся сразу во Флоренцию, а заезжал, по-видимому, в разные места, пока Петрарка, в это время тоже не имевший определенного места жительства, не поселился в конце 1362 года в Венеции. В мае следующего 1363 года Боккаччо приехал к нему в гости и прожил у своего друга все лето. Так как в это время во Флоренции снова свирепствовала чума, то и Леонтий Пилат перебрался, по-видимому, из Флоренции в Венецию и перевод Гомера, вероятно, продолжался и здесь*.

Осенью Боккаччо возвратился во Флоренцию, хотя Петрарка уговаривал его остаться еще некоторое время в Венеции, потому что чума во Флоренции еще не прекратилась.

О жизни Боккаччо в течение следующих двух лет не имеется никаких биографических сведений. Вероятно, это время он провел в своем родном Чертальдо за научными занятиями, потому что жизнь во Флоренции не представляла ничего привлекательного: с одной стороны, продолжалась чума и раздоры партий, а с другой — банды наемных чужеземных солдат под предводительством авантюристов-кондотьеров вели за Флоренцию войну с Пизой и как вражеские, так и свои наемные войска одинаково опустошали Тосканскую область.

* «Леонтий Пилат перебрался, по-видимому, из Флоренции в Венецию и перевод Гомера, вероятно, продолжался и здесь» — перевод «Илиады» и «Одиссеи» Леонтия Пилата, скорее всего, был уже окончен к 1362 г. Осенью 1363 г. Пилат отбыл из Венеции в Константинополь.

В течение лета 1365 года на Боккаччо возлагается дипломатическое поручение к папе в Авиньон. Мы не будем распространяться о цели этого посольства. Обстоятельства, вызвавшие его, незначительны и в политическом отношении, а для биографии Боккаччо и совсем не имеют значения. Принят при папском дворе он был очень хорошо, в особенности некоторыми оставшимися там друзьями Петрарки. Между прочим, Филипп Кабассель, престарелый патриарх Иерусалимский, публично, к немалому удивлению присутствовавших папы и кардиналов, обнял и расцеловал Боккаччо как старого дорогого друга.

В октябре того же года папа перенес свою резиденцию в Рим, и Боккаччо вскоре был назначен вновь послом к папе, вероятно, с целью принесения ему поздравления от флорентийцев по случаю возвращения папы в город, где ему всегда следовало быть. В послании, которое папа отправил к флорентийцам 1 декабря 1367 года, он, отзываясь с похвалой о Боккаччо, называет его «своим любезным сыном».

Весной 1368 года Боккаччо предпринял поездку в Венецию по делам; но какого рода были эти дела, определить по имеющимся биографическим материалам нельзя. Письмо Боккаччо к Петрарке, в котором он описывает эту поездку, особенно ярко подтверждает те действительно дружеские отношения, которые существовали между обоими поэтами, и то глубокое уважение, которое Боккаччо питал к Петрарке, сознавая его превосходство над собой. Между прочим, мы видим из него, что Боккаччо в то время был уже настолько беден, что Франческо, муж дочери Петрарки, узнав об этом, сделал ему щедрый денежный подарок. Боккаччо, описывая эту сцену и с любовью отзываясь о молодом Франческо, говорит, что, передавая ему деньги, Франческо краснел, смущался, не мог говорить, а передав и пожелав Боккаччо счастливого пути, — дело было перед самым отъездом Боккаччо из Венеции, — тотчас скрылся из комнаты, оставив Боккаччо одного. В заключение Боккаччо пишет Петрарке, что очень дорожит его красноречивыми письмами и принялся переписывать их все по порядку в особую тетрадь; но при этом оказывается, что многие из писем, посланных Петраркой, никогда не были получены Боккаччо, и он просит своего друга прислать с них копии для того, чтобы он мог составить себе полный том их, ибо в этих письмах заключалось много философского и научного материала.

В начале 1371 года Боккаччо оказывается снова в Неаполе, но неизвестно по какой причине и с каких пор. Мы видим только,

что в это время он посещал монастыри и их библиотеки, отскивая в них интересовавшие его старинные книги. Вероятно, к этому же времени относится любопытный рассказ ученика Боккаччо, Бенвенуто да Имола, о том, как Боккаччо посетил монастырь Монте-Казино в Апулии, славившийся своей библиотекой и ученой деятельностью тамошних монахов, Желая видеть эту прославленную библиотеку, о которой он так много сдыхал ранее, Боккаччо скромно и любезно попросил одного из монахов отпереть ему дверь комнаты, где было книгохранилище. Монах же ответил ему довольно резко и коротко: «Она отперта, полезай вон туда» — и указал при этом на высокую лестницу. Боккаччо с радостью взобрался по лестнице, стремясь увидеть эту сокровищницу, но, к удивлению своему, заметил, что помещение не имело никаких запоров, окна его заросли травой и мхом, и все книги и полки, на которых они хранились, были покрыты толстым слоем пыли. Он начал перелистывать фолианты и нашел там много редких книг самого разнообразного содержания, из которых множество страниц было вырвано, другие оказались с отрезанными переплетами и вообще так или иначе обезображенными. Боккаччо был страшно огорчен, что столько произведений знаменитых ученых находятся в руках таких бессовестных людей, и со слезами на глазах вышел из этой «библиотеки». Встретив затем в монастыре одного из монахов, он спросил его, отчего многие из этих драгоценных книг подверглись такому варварскому обращению с ними. Тот ответил, что некоторые монахи, чтоб заработать иногда несколько сольди, счищают с пергаментных листов старые рукописи и на стертом пишут молитвенники, которые продают детям, а из ободков вырезают амулеты для женщин. «Вот и ломай голову, ученый человек, и пиши книги!» — с горьким юмором заканчивает Бенвенуто Имола свой рассказ.

В Неаполе Боккаччо был принят очень хорошо старыми друзьями, которые и старались удержать его теперь там. В особенности хлопотал об этом граф Гуго Сансеверино, старавшийся вызвать участие к Боккаччо в королеве Иоанне. Быть может, Боккаччо, который в это время успел совершенно обеднеть, и решил бы остаться в Неаполе в качестве пенсионера графа или королевы, но, вероятно, боязнь попасть в зависимое положение, неудобства которого он уже испытал однажды у Аччайуоли, да тоска по родной Флоренции, которую он, несмотря на разные неприятности, все-таки любил, тоска по родному Чертальдо и по собранной долгими трудами библиотеке, перевести которую в Неаполь он,

по-видимому, боялся, — взяли верх, и Боккаччо снова вернулся во Флоренцию и Чертальдо.

Вскоре по возвращении, летом 1372 года, его постигла ужасная болезнь сложного характера, боккаччо был уже старик, в своей жизни ему пришлось много ездить, вынести много лишений, неприятностей, забот и трудов, и в то же время сделать большой глоток из чаши наслаждений, а в последние годы он постоянно страдал от тучности. Теперь, вероятно, трудный при тогдашних путях сообщения переезд из Флоренции в Неаполь и обратно ото[^]-звался сильным расстройством всего организма, и болезнь проявилась в жестокой форме. Всего лучше он описывает ее сам в письме к своему другу Магинардо Кавальканти. Письмо это сравнительно небольшое, писано в течение 18 дней в то время, когда Боккаччо начал уже настолько поправляться, что мог взяться за перо.

«Больше всего страдал я, — пишет Боккаччо, — постоянным жжением в теле и сухой чесоткой в такой сильной степени, что день и ночь царапал ногтями засохшую сыпь и коросты. Кроме того, меня мучили завалы, боль в почках, вздутие селезенки, воспаление мочевого пузыря, удушливый кашель, хрипота, тупая головная боль и другие болезни. Если перечислить все мои болезни, то ты сказал бы, что все органы моего тела расстроились и все соки испортились. Вследствие этого жизнь мне в тягость, тело мое для меня тяжкое бремя, походка моя неустойчива, руки дрожат, лицо мертвенно-бледно, всякий аппетит пропал, и все меня раздражает. Самое занятие науками стало мне противно, и книги, еще недавно так горячо любимые, стали для меня теперь предметом отвращения; умственные способности совершенно ослабели, память почти совсем пропала, способность думать притупилась, и все мои мысли направлены к смерти и гробу. Что прежде служило для меня прекраснейшим и действительнейшим утешением, теперь у меня отнято, Музы, небесное пение которых меня радовало, теперь для меня онемели».

Далее Боккаччо описывает ужасную лихорадку, озноб и жар, не дававшие ему покоя, и рассказывает, как он думал, что пришел уже его последний час. При нем находится только одна женщина-прислуга, живущая у него в доме уже много лет, а в Чертальдо, где он лежал больной, нет ни докторов, ни аптеки. Боккаччо, впрочем, во всю свою жизнь не признавал докторов, предоставляя самой натуре излечивать случайно постигавшие его недомогания. Но после ночи, проведенной в таком внутреннем жару, что ему казалось, будто тело его должно превратиться в пепел, Боккаччо, по совету

навестивших его утром соседей-крестьян, решается подвергнуться лечению простого деревенского доктора или знахаря, «впрочем, весьма толкового человека». Этот врач, осмотрев его и найдя огненное пятно на теле против того места, где расположена печень, заявляет, что необходимо быстрое лечение, состоящее в удалении из тела лишних и вредных соков. Если это сделать, больной будет спасен, иначе он через четыре дня умрет. Боккаччо соглашается, и тогда его подвергают настоящей пытке в виде многочисленных кровопусканий и прижиганий его язв раскаленным железом. Но зато в ту же ночь он в первый раз уснул спокойно, а затем начал и поправляться.

Через две недели после того, как Боккаччо написал к Кавальканти это письмо, он получил от него ответ. По тогдашним условиям почтового сообщения это было очень скоро. Кавальканти прислал ему при этом письме щедрый подарок: золотой сосуд, наполненный червонцами. Обрадованный этой присылкой, Боккаччо написал тотчас же Кавальканти письмо, в котором горячо благодарил его. Затем, отвечая на один из пунктов письма Кавальканти, где тот сообщал, что хочет дать прочесть дамам, составляющим его семью, сочинения Боккаччо и, разумеется, в том числе и «Декамерон», — Боккаччо убедительно просил его не делать этого, ибо он сам от всего сердца раскаивается, что некогда, по приказу свыше (вероятно, королевы Иоанны), написал такие безнравственные книги, и вовсе не желает, чтобы дамы семьи Кавальканти составили о нем понятие, как о человеке развратном.

Не один Кавальканти желал обеспечить Боккаччо спокойное, беззаботное существование в его старости. Еще до своей болезни Боккаччо получил подтверждение искреннего дружеского расположения к нему от Николая Орсини, который приглашал его поселиться у него в имении. Но Боккаччо отклонил это предложение, написав, что пока еще ему хватает на проживание того, что он получает с маленького унаследованного от отца имущества, а жить ему осталось во всяком случае немного; но он обещает, если ему когда-нибудь придет мысль переменить место жительства, отдать предложению Орсини предпочтение перед всеми другими, хотя его приглашали уже и Сан-Северино, и Петрарка, и король Яков Майоркский (третий муж королевы Иоанны Неаполитанской). Таким образом, мы видим, что Боккаччо в старости не был забыт-своими друзьями, и это без сомнения, должно было служить ему утешением.

Боккаччо, конечно, благодаря не столько коновальскому лечению деревенского врача, сколько последним усилиям его природы,

наконец поправился после своей тяжелой болезни; но это восстановление здоровья, понятно, не могло быть прочно и устойчиво. Он продолжал постоянно прихварывать до самой своей смерти. Тем удивительнее его литературная деятельность последнего предсмертного периода. Кроме нескольких мелких вещей, он написал в это время свои комментарии к «Божественной комедии» Данте, произведение настолько же объемистое, насколько глубокое и полное благородного вдохновения.

Обстоятельства, вызвавшие появление этих комментариев, были следующие: флорентийские граждане, с одной стороны, вероятно, раскаяваясь в своем поведении относительно Данте, а с другой, быть может, желая оказать материальную поддержку Боккаччо, обратились к своему правительству с петицией устроить ряд публичных чтений «для объяснения поучительной книги, известной под вульгарным названием «Данте», поручив это дело какому-либо человеку, вполне сведущему в науке поэзии, и назначив за эти чтения вознаграждение в сто золотых гульденов.

Эту петицию синьория приняла большинством 186 голосов против 18, и Боккаччо, как человек наиболее подходящий для этого дела и написавший уже ранее биографию Данте, был избран лектором, а местом чтений была назначена церковь Св. Стефана*.

Боккаччо следует считать даже главным виновником возбуждения такого интереса к Данте среди флорентийцев: «Жизнь Данте» («Vita di Dante»), написанная Боккаччо, представляет не столько беспристрастное жизнеописание великого флорентийского поэта, изгнанного своими согражданами, сколько его апологию и панегирик ему.

Сколько именно лекций было им прочитано — неизвестно, но в его тетради найдено всего 60 написанных отдельных лекций, тщательно обработанных, хотя различных по объему. К сожалению, эти чтения не были доведены до конца. Последняя лекция, очевидно, и не прочитанная, обрывается на полужае семнадцатой песни «Ада»; но и в этом неоконченном виде книга свидетельствует о большой учености и таланте ее автора.

Почти ровно через год после начала этих чтений, 19 октября 1374 года, Боккаччо получил от Франческо да Броссано, зятя Петрарки, печальное известие, что Петрарка скончался. Это известие глубоко потрясло Боккаччо. Скорбь его понятна: в Петрарке

* «церковь Св. Стефана» — романская церковь Санто-Стефано-аль-Понте во Флоренции, находящаяся неподалеку от Понте-Веккьо.

он потерял близкого друга, учителя и любимого поэта, и притом в такое время, когда ему самому угрожала в близком будущем смерть. Это ожидание собственной смерти сказывается и в письме, которое Боккаччо написал тотчас же к Франческо в ответ на его извещение о смерти Петрарки. «Он не ушел от нас,— пишет Боккаччо,— а только ушел раньше нас туда, куда и мы вскоре последуем за ним».

Из этого письма Боккаччо мы узнаем, что он должен был прервать свои чтения о Данте вследствие новой болезни, на этот раз менее опасной, но не менее докучной и мучительной, и, по настоянию своих друзей, удалиться в Чертальдо. Там он пребывал в вынужденном бездействии, мучимый постоянной лихорадкой» в борьбе между жизнью и смертью. «Прежде я был толст,— пишет он,— теперь же я совсем сморщился, цвет лица изменился, глаза потускнели, колени подгибаются, руки дрожат»,

Значительная часть этого письма наполнена довольно напыщенными риторическими утешениями и размышлениями по поводу смерти Петрарки. Между прочим, Боккаччо высказывает, что как флорентиец завидует Аркве, приютившей священный прах Петрарки*, и упрекает флорентийцев за то, что они не сумели привлечь в свое время на родину прославленного поэта, оправдав старинное изречение, что никто не бывает пророком в своем отечестве. Потом он выражает благодарность покойному и за его гостеприимство, и за то, что тот не забыл его даже в своем завещании, отказав ему значительную часть имущества. Но здесь Боккаччо уже чересчур преувеличивает: Петрарка завещал ему всего 50 золотых гульденов «на приобретение теплого зимнего платья», которое Франческо тогда же и препроводил ему.

В заключение Боккаччо выражает беспокойство, что станет с библиотекой Петрарки и с его рукописями, До него дошел слух, что составила уже какая-то комиссия для рассмотрения сочинений Петрарки и решения вопроса о том, которые из них достойны сохранения, и Боккаччо возмущается, что это дело может быть поручено каким-нибудь юристам, считающим себя компетентными в решении всяких вопросов. Он призывает Бога охранить создания поэта от суда этих лиц, Затем Боккаччо просит Франческо прислать ему копию с одного из писем Петрарки и копию сделанного Петраркой

* «флорентиец завидует Аркве, приютившей священный прах Петрарки» — Петрарка умер и был похоронен в небольшой деревушке Арква близ Падуи (совр. Арква-Петрарка).

перевода на латинский язык последней новеллы из «Дека мерона» (Гризельда), которая так нравилась Петрарке, что он считал нужным распространить ее. в латинском переводе,

Выразив свои чувства по поводу смерти Петрарки в этом письме, которое он, как видно из заключительных слов его, писал три дня, Боккаччо написал также сонет, в котором, обращаясь к Петрарке, говорит, что он ушел туда, куда надеется вознестись всякая избранная Богом душа, туда, где находятся Лаура, Фьяметта, Данте, и просит Петрарку скорее призвать и его к себе для того, чтобы он мог увидеть снова ту, которая некогда воспламенила в нем любовь.

Ко времени его последнего пребывания в Чертальдо относится отдельная новелла «Urbano», написанная им (как видно из вступления к ней), чтобы рассеять мрачные мысли, вызванные в поэте его болезнью и смертью Петрарки. Полагают, что, почувствовав улучшение в своей болезни, Боккаччо возвращался на короткое время во Флоренцию для возобновления лекций о Данте, но вскоре опять заболел и удалился окончательно в Чертальдо, где умер 21 декабря 1375 года. Согласно его завещанию, он и погребен в Чертальдо же, в церкви Св. Иакова*.

Его могила была покрыта каменной плитой с поясным изображением поэта и герба его рода, а на стене над этой плитой вырезана написанная им самим эпитафия, четырехстишие на латинском языке, В 1783 году, вследствие неправильно понятого закона о погребениях в церквях, плита эта была сломана и обломки ее, как не имеющие ценности, затеряны. Были вынуты при этом также и кости Боккаччо, насколько они еще сохранились тогда, а вместе с костями найден в могиле металлический цилиндр с несколькими свитками рукописей на пергаменте. Куда девались эти реликвии — неизвестно. Вероятно, ими воспользовался тогдашний священник прихода Св. Иакова Франческо Контри, но после смерти Контри от них не осталось и следа. В 1825 году были предприняты в Чертальдо официальные розыски останков Боккаччо, но ничего не найдено, и только одна остававшаяся в живых старуха экономка покойного священника Контри сообщила, что ее господин хранил у себя череп Боккаччо и показывал его своим друзьям.

В 1503 году подеста Чертальдо, Латтанцио Тедадьди, воздвиг в церкви Св. Иакова бюст Боккаччо, изображающий поэта прижавшим обеими руками к груди книгу с надписью Decameron, изо-

* «в церкви Св. Иакова» — церковь Санти-Джакопо-э-Филиппо в Чертальдо.

бражение, свидетельствующее об отсутствии у автора этого бюста, по меньшей мере, вкуса.

Так как изображение Боккаччо, бывшее на могильной плите, потеряно, то надо полагать, что все последующие многочисленные портреты его — плод фантазии рисовавших их художников. Наибольшую достоверность признают за двумя: один находится при «*Filostrato*», хранящемся в национальной библиотеке во Флоренции, другой при рукописи 1379 года (Bibl. Laurenz. 49, Pluteo 34).

После Боккаччо не осталось потомства. Его побочные дети, неизвестно когда и с кем прижитые, но упоминаемые им под вымышленными именами в 14-й эклоге, умерли раньше его. Как видно из одного письма к Петрарке, у Боккаччо была дочка Виоланта, которую он очень любил и которая умерла на шестом году. Наследники же Боккаччо, дети его брата Якопо, не представляют для нас интереса.

Мы видели, что Боккаччо жаловался на бедность и считался за бедняка даже его друзьями. Однако эта бедность была весьма условная и выражалась, вероятно, главным образом в отсутствии свободных наличных денег, которые поэт тратил на приобретение книг и на путешествия, может быть, в больших размерах, чем позволяли ему его доходы. Из духовного завещания Боккаччо, составленного у нотариуса Тинелло Бонасере во Флоренции 28 августа 1374 года, видно, что у него было разнообразное имущество, хотя имелись и кой-какие долги, на покрытие которых поэт завещал продать дом его п Чертальядо, если на расплату не хватит наличных средств. Он еще (мисс (в 1361 году) подарил своему брату Якопо дом во Флоренции, а теперь назначил главными наследниками своего имущества двух сыновей этого брата, с тем что они воспользуются имуществом лишь по достижении ими 30-летнего возраста, а до тех пор оно должно быть в пользовании их отца, который, вместе с несколькими другими лицами, был назначен исполнителем завещания, душеприказчиком Боккаччо. Назначив незначительные суммы на разные благотворительные дела, Боккаччо завещал свою библиотеку августинскому монаху, профессору богословия Мартино да Синья, под условием, чтобы тот молился о спасении его души; по смерти же Мартина да Синья она должна перейти в монастырь Св. Духа, храниться там в особом шкафу, и всем монахам должно быть предоставлено беспрепятственное пользование ею. Это было исполнено, но в 1471 году монастырь Св. Духа сгорел, причем погибла и вся библиотека Боккаччо, и мы не имеем никаких сведений ни о размерах ее, ни о книгах, из которых она состояла.

В заключение еще несколько слов о литературном значении Боккаччо. Слишком скромный в признании своих заслуг, он, сопоставляя свою деятельность с деятельностью Данте и Петрарки, считал себя гораздо ниже их. По его словам, он «с большой смелостью вступил на путь, проторенный Петраркой, но лишь издали видел возвышающиеся до небес вершины и, оробев, потерял силы идти далее; никогда не был он поэтом, хотя и напрягал все свои силы сделаться им».

Эта его характеристика самого себя не есть фарисейское самоуничижение, которое бывает паче гордости, а результат ошибочных взглядов на литературу, которые были в то время не у одного Боккаччо. Он слишком много придавал значения своим научным занятиям, в которых все-таки остался с современной точки зрения только дилетантом, компилятором и коллекционером, — и слишком мало ценил прозаическую форму своих лучших произведений сравнительно со стихотворной. Между тем, его смело можно считать основателем того рода литературы, который в наше время приобрел наибольшую популярность, — именно беллетристики всех родов. «Декамерон» послужил образцом для новеллистов и рассказчиков позднейших времен. Но если для этого произведения самому Боккаччо могли служить хотя отчасти матерьялом и образцами французские *fabliaux* и восточные сказки, если идея соединить в одну общую рамку несколько рассказов принадлежит также Востоку (кроме известной Шехерезады есть и другие произведения подобного рода), зато вполне оригинальным является его роман «Фьяметта», сделавшийся прототипом современного романа. Эта история страданий любящего сердца, эта глубокая психология мук покинутой женщины, рассказанных ею самою, представляет вполне современный роман, написанный более пятисот лет тому назад.

Боккаччо не придавал этим произведениям того значения, какое они имеют в действительности. Как человек своего времени, он считал высшим родом литературы аллегорию, и большинство его произведений написаны в аллегорической форме. «Амето», «Fili-coro», «Amorosa visione», его эклоги, многие сонеты — все это аллегории, и притом не только малоинтересные для нашего времени, но и малопонятные без комментариев. Даже в «Тезеиде», «Фило-страте» и «Ninfale Fiesolano» надо искать аллегорических намеков. А кому же в наше время придет охота рыться в мифологических и исторических изысканиях, чтобы уразуметь, что хотел сказать поэт в своем произведении. Этот род литературы теперь

безвозвратно осужден на забвение. Относительная же польза этих произведений Боккаччо для своего времени заключалась в том, что они знакомили читателей на итальянском языке с древними мифами и духом той античной культуры, которой Петрарка и Боккаччо являлись пророками.

Но, признавая аллегория, и притом в стихах, наиболее достойной, почти единственной достойной формой поэтических произведений, Боккаччо бессознательно сделался родоначальником романистов-прозаиков. Точно так же, создавая итальянский литературный язык, он считал наиболее достойным поэта язык латинский. Он высказывал сожаление, что «Божественная комедия» написана Данте по-итальянски, находя, что она много выиграла бы, если бы была написана по-латыни. Аллегория в латинских стихах — вот идеал литературного произведения по Боккаччо, И в этом опять-таки чувствуется влияние Петрарки, который предпочитал писать по-латыни. Петрарка втайне завидовал Данте и боялся прослыть его подражателем; поэтому он до тех пор даже и не читал Данте, пока совсем не бросил писать итальянские стихи и не отдался ученой и философской деятельности. Он находил даже нужным оправдываться в том, что он будто бы завидует Данте, и говорил, что он не может дорожить славой между ткачами и трактирщиками (намекая этим на итальянский — *volgare* — язык «Божественной комедии») и предпочитает делить славу с Вергилием, Овидием и Цицероном. Вслед за Петраркой это предпочтение к латинскому языку отразилось впоследствии и у всех гуманистов и было одной из дурных сторон нового движения. Вызванное у Петрарки более всего его личным славолубием и боязнью упрека в подражании Данте, у последователей Петрарки оно было естественным влиянием их учителя и образца.

Но, по счастью, судьба толкнула Боккаччо своевременно на другой пуп», и он бессознательно и даже как бы вопреки этим своим принципам сделался основателем изящной беллетристики вместо ал-лсшрии и отцом итальянского прозаического языка, вытеснившего латинский. Да и самое содержание его аллегорических произведений носит на себе печать двух культур: средневековой и античной. Петрарке хотелось бы восстановить античную жизнь вполне, со всеми ее особенностями, оторваться окончательно от средневековой культуры, поставив из всего современного ему лишь одно христианство среди всех других общественных и духовных сторон античной жизни. Но, разумеется, один человек не мог пересоздать того, что создавалось поколениями и веками,

и попытка прямолинейного в этом отношении Петрарки должна была остаться мертворожденной, Боккаччо же, более уступчивый посторонним влияниям, примирил и в своей личности, и в своих произведениях средневековый романтизм с духом античного мира, сразу встав, таким образом, на тот путь, по которому позднее пошли все народы Европы. И хотя это примирение и единение двух культур и дало впоследствии немало гнилых плодов, но оно во всяком случае вырвало Европу из средневекового невежества и мрака.

